

ПУТЬ ОТ МЕНТАЛЬНОГО К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ. ВОЗМОЖНОСТЬ ВОПРЕКИ

О. О. Соломин

FROM MENTAL TO LINGUISTIC. THE POSSIBILITY DESPITE

O. O. Solomin

В статье рассматривается возможность редуцирования субстанции человеческого сознания посредством акцидентных трансформаций в лингвистические формы с целью выяснить саму допустимость создания, существования и использования определенного единого онтологического восприятия людьми различных сред существования в коммуникативном пространстве, используя в качестве способа исследования метод «от противного» применительно к теории истины, британского философа Джона Лэнгшо Остина.

The paper considers the possibility of reducing substances of human consciousness through jobbing transformations in linguistic forms in order to determine the admissibility of creation itself, the existence and use of certain common ontological human perception of the existence of different environments in the communicative space, using as a research method of "contradiction" in relation to the British philosopher John Langshaw Austin's theory of truth.

Ключевые слова: Джон Лэнгшо Остин, Пилат, теория истины, социальные коммуникации, проблема чужого сознания.

Keywords: John Langshaw Austin, Pilate, theory of truth, social communication, problem of others' consciousness.

В начале исследования стоит задаться несколькими вопросами, на первый взгляд, не явно относящимися к его сути, но которые возможно, в ходе его будут тонкой нитью проходить через размышления и выводы, помогая на простых примерах выходить на более сложные умозаключения по поставленной проблеме. Рассмотрим и попытаемся ответить на них.

Итак, вопросы касаются двоих, незнающих и не имеющих никаких вспомогательных средств к пониманию языка собеседника, оказавшихся в изоляции от внешнего мира: «На каких временном и ситуативном этапах они начнут понимать друг друга?», «Когда произойдет переход от описательного последовательного общения начального уровня к параллельному интеллектуальному диалогу?» и, наконец, «Какие аспекты так никогда и не будут ими поняты и осознаны до конца?».

Так как исследование в большей части касается лингвистических аспектов человеческого сознания, в его проведении будет использована методика, предложенная видным британским философом второй половины двадцатого века, одним из основателей лингвистической философии Джон Лэнгшо Остином. Его теория, основанная на так называемых «перформативных высказываниях», не требующая постановки живого эксперимента, так как его вполне возможно провести умозрительно, не прибегая к реальным действиям и привлечению реальных участников, представляет большой интерес как эффективный метод работы при проведении теоретических исследований.

«Учение о перформативных высказываниях, по мнению Остина, не предполагает ни экспериментов, ни «полевой работы», но должно включать совместное обсуждение конкретных примеров, почерпнутых из различных литературных источников и личного опыта. Эти примеры надлежит исследовать в интеллектуальной атмосфере, совершенно свободной от всякой теории, и при этом совершенно забыть все проблемы, кроме проблемы описания» [1, с. 3].

Опираясь на приведенный выше метод и, как в нем сказано, доверившись лишь собственным суждениям, размышлениям, интеллекту и определенному жизнен-

ному опыту, приступим к нашему исследованию, последовательно отвечая на поставленные вопросы.

Ответ на первый вопрос: "На каком этапе начнется понимание?". В некотором смысле можно было бы отождествить начало общения наших участников с контактом глухонемых людей, однако одновременно мы натолкнемся сразу на два субаспекта, которые дадут как положительные, так и отрицательные подсказки для решения общей проблемы поднятой в данной статье:

– глухонемые имеют свой язык, являющийся интернациональным, и данный факт говорит за возможность создания и использования также и в сферах человеческого сознания подобную форму интермедийного коммуникативного способа общения, восприятия и познания при условиях определенного уровня развития;

– глухонемые не слышат (хотя теоретически и могут воспроизводить) определенные звуки, имитирующие, подражающие аудио сигналам, исходящим от различных объектов, явлений, в результате какого-либо их действия или взаимодействия, в отличие от наших, физически полноценных участников эксперимента.

Безусловно, что в начале общения участники попытаются задать и получить ответы на явные и простые вопросы, касающиеся выяснения, кем является собеседник и какие точки соприкосновения в общении будут им наиболее близки. Для этого желательнее сразу и определить их статусные, профессиональные и социальные ниши. Пусть это будет столяр и руководитель предприятия среднего масштаба.

Не трудно представить, что в начале общения собеседники будут использовать язык жестов, сопровождая его звуками, тем самым пытаясь передать отражение тех или иных явлений, так как восприняло их в свое время собственное сознание. Одновременно оба участника будут сопровождать свои жесты и действия повторяющимся произношением слов, их обозначающих, каждый на своем языке, тем самым обозначая и устанавливая определенную им маркировку, давая по-

нять собеседнику, как называется то или иное действие или предмет на известном ему языке.

Однако рассматривая предположительные действия собеседников, следует обратить внимание не на то, какими способами собеседники будут пытаться передать друг другу информацию – этот аспект имеет больше отношение к изучению процесса в чисто лингвистическом направлении, нас же интересует сама суть методов описания явлений, процессов и предметов, которые собеседники будут пытаться таким образом описать. Безусловно, стоит отметить, что на этом начальном этапе общения оба собеседника будут обозначать простые, действительно существующие вещи и действия, так как в обоюдных интересах как можно скорее установить первичное понимание и осознание сущности описываемых друг другу предметов и действий, для чего совершенно бессмысленно пытаться представить их в неоднозначном или, тем более, ложном понимании. Столяр не будет описывать свою профессию как выраженной, многолетней, в разной степени одревесневшей, сохраняющейся в течение всей жизни, разветвлённой главной осью посредством изготовленных специальных инструментов, предназначенных для её обработки. Отсекая множественные описательные моменты языком жестов и звуков, наверняка, он попытается просто показать дерево и характерные жесты по его обработке. Руководитель же предприятия, примерно теми же методами отобразит свою специальность, представив собеседнику множество других людей над которыми он является главным.

Таким образом, участники исследования в процессе общения будут выстраивать отношения на пока еще примитивном, но тем самым наиболее откровенном и истинном уровне. Переходные трансформации ментального восприятия каждого собеседника посредством акцидентных методов его понижения и упрощения для обоюдного познания сути описываемых вещей и действий выведут процесс их общения на лингвистический уровень.

Рассмотрев поставленный вопрос, мы можем дать определенные ответы на поставленную проблему:

– человеческое общение на начальном уровне, когда собеседники не обременены необходимостью отражения частных аспектов ментальных состояний своего сознания, а стремятся лишь к построению диалога посредством формирования «среднего» или интермедиального языка, является наиболее искренним и описывает истинные в понимании познания объекты, действия и явления, знакомые им обеим, вне зависимости от того, на каком языке они говорят, в какой культурной и социальной средах собеседники развивались и существуют;

– неискренние, неправдивые и/или ложные описания могут привести «наведение мостов» общения в тупик или же вовсе разрушить общение в самом начале, но этого не происходит и хотелось бы поставить акцент на том, что этого и не произойдет, так как на данном этапе огромную роль играют не столько ментальные диалекты сознания каждого, сколько подсознательные, иногда рефлекторные методики изложения сущностей каждым из участников.

Теперь необходимо связать результаты этого воображаемого эксперимента с размышлениями Дж. Остина в начальном этапе рассматриваемой им проблемы

«Что же такое Истина?», приведенные им в книге «Истина»:

«Что есть истина?» – насмешливо спрашивал Пилат, даже не ожидая ответа. Он опередил свое время. Ведь сама по себе «истина» есть абстрактное существовательное, верблюд, поддерживающий логическую конструкцию, которая не может ускользнуть даже от глаз грамматиков... Однако философам следует прикладывать свои усилия только к соразмерному им самим. А значит, следует обсуждать применение или определенные использования, слова «истинный» *In vino*, возможно, и «*veritas*», но в трезвом разговоре – «*verum*» [2, с. 1].

«Одна из проблем, стоявших в центре внимания Остина, – возможность познания «чужих сознаний» и его отражение в языке. Остин надеялся, что в результате его деятельности возникнет новая дисциплина, являющаяся симбиозом философии и лингвистики, – «лингвистическая феноменология». Он полагал, что познание сознания других людей включает особые проблемы, но, подобно познанию любого другого вида, оно основывается на предшествующем опыте и на личных наблюдениях. Предположение о том, что это познание переходит от физических признаков к фактам сознания, ошибочно. Остин считает, что вера в существование сознания других людей естественна, обоснований требует сомнение в этом. Сомневаться в этом только на основании того, что мы не способны «само наблюдать» восприятия других людей, значит идти по ложному следу, ибо дело здесь попросту в том, что, хотя мы сами и не наблюдаем чувств других людей, мы очень часто знаем их» [3, с. 2].

Наложив «маску» на цепь размышлений Дж. Остина, мы, по сути, получим результат нашего исследования с той лишь небольшой разницей, что определения участников как «говорящий» и «аудитория» необходимо заменить на наших равнозначных «участников общения».

Приступая к исследованию поставленного в данной статье второго вопроса «Когда произойдет переход от описательного последовательного общения начального уровня к параллельному интеллектуальному диалогу?», хотелось бы размышления философа поставить в начале:

«О словах и предложениях, в самом деле, говорят, будто это они должны быть истинными. О словах так говорят часто, а о предложениях реже. Правда, только в определенных смыслах. Слова в качестве предмета изучения филологов, составителей словарей, грамматиков, лингвистов, полиграфистов, литературных критиков, стилистов и так далее не могут считаться истинными или ложными. Скорее, они неправильно образованы, двусмысленны или недостоаточно выразительны, не переводимы или не произносимы, написаны с ошибками или устарели, искажены или же нет. Предложения в сходных контекстах являются либо эллиптическими, либо аллитеративными, либо грамматически неправильными, либо включенными в состав других предложений. Тем не менее, мы все же в состоянии вполне и искренне заявить: «Его заключительные слова были совершенно истинными» или «Третье предложение на пятой странице его доклада полностью ложное». Однако в данных примерах «слова» и «предложения» указывают на использованные конкретным лицом в

определенных обстоятельствах слова и предложения, что и показывается демонстративным образом с помощью притяжательных местоимений, временных глаголов, определенных дескрипций и т. п., которые в подобных случаях постоянно их сопровождают. А значит, «слова» и «предложения» указывают на утверждения (как и во фразе «многие слова говорятся в шутку»)» [2, с. 2].

Очевидно, что второй этап, предполагающий интеллектуальное общение, уже не требующее в основном описания сути вещей посредством языка жестов и звуков, наступит тогда, когда участники обучатся говорить и понимать друг друга на каком-либо из языков. Это, разумеется, зависит от частных способностей к усвоению и лингвистической простоты архитектуры того или иного языка.

На данном этапе, наиболее вероятно, собеседники будут интересоваться все более личными и приватными аспектами жизни, мышления, мировоззрения друг друга. И именно здесь, когда из лингвистической формы обмена информацией общение начнет переходить к взаимодействию ментальных сфер человеческого сознания каждого, непременно произойдут определенные согласия и/или коллизии в общении, единодушные мнения и зарождение спорных или откровенно конфронтационных моральных, жизненных и интеллектуальных позиций по различным вопросам. Именно на этом этапе возможны недомолвки и ложные высказывания, которые уже совершенно не имеют отношения к лингвистике как научному направлению и все более касаются вопросов сознания и менталитета участников, относящихся уже к институтам философских изысканий.

«В своей работе «Слово как действие» Остин нащупывает другой способ разграничения высказываний, в терминах вида акта, который они исполняют. Он выделяет три вида акта употребления предложения: «локутивный» акт употребления предложения с целью сообщить некое значение, когда, например, кто-то говорит нам, что Джордж идет; «иллокутивный» акт употребления высказывания с определенной «силой», когда, например, кто-то предупреждает нас, что Джордж идет; и «перлокутивный» акт, нацеленный на произведение некоторого воздействия посредством употребления предложения, когда, например, кто-то не говорит нам прямо, что вот идет Джордж, но умеет предупредить нас, что он приближается. Всякое конкретное высказывание, считает теперь Остин, выполняет и локутивные, и иллокутивные функции» [1, с. 5].

«На первый взгляд кажется, что локутивные акты соответствуют констатирующим высказываниям, а иллокутивные – перформативным. Но Остин отрицает, что конкретное высказывание можно классифицировать как чисто перформативное или чисто констатирующее. По его мнению, констатировать – так же, как и предупреждать – значит делать что-то, и мое действие констатирования подвержено разного рода «невежествам»; констатации могут быть не только истинными или ложными, но и справедливыми, точными, приблизительно истинными, правильно или ошибочно высказанными и т. д. Однако соображения истинности и ложности непосредственно применимы к таким перформативным актам, как например, когда судья находит человека виновным или путешественник без часов

прикидывает, что сейчас половина третьего. Поэтому от различия между перформативными и констатирующими высказываниями необходимо отказаться, сохраняя его разве что в качестве первого приближения к проблеме» [1, с. 315].

На этом этапе общения, стоит так же отметить, что при все меньших случаях и снижении четкой истинности выражений участников, как не парадоксально, собеседники начнут выяснять меж друг другом, что же такое истинные, действительно и однозначно выраженные сущности и что же такое Истина как таковая?

Запомним этот момент нашего исследования и перейдем к заключительному, третьему вопросу: «Какие аспекты так никогда и не будут ими поняты и осознаны до конца?».

Ответ на третий вопрос, формирующийся на соответствующем третьем этапе общения на фоне предыдущих, будет наиболее неоднозначным, так как обратные акцидентные преобразования из лингвистической формы методики общения в формы с преобладающим влиянием ментальных и субъективных сфер человеческого сознания участников ведут к взаимоотношениям, хорошо развитой систем понятийных ветвей, убеждений, взглядов и мнений. Несомненно, в ходе общения в различных точках соприкосновения участники придут к общим мнениям, произведут обмен определенной информацией и утверждениями, по которым будут иметь однозначное мнение и для них обоих, это и будет истинными утверждениями и истинной сутью вещей, так как будут в дополнение к собственным жизненным аксиомам подтверждены совпадающим мнением собеседника (вспомним «заметку» оставленную нами в конце исследования второго вопроса). То есть пройдя определенный путь рассмотренного исследования, можно разделить понятия истинности на три типа. Что же будет являться Истиной для наших участников:

1-й тип – объектный. Вернемся к примеру дерева – дерево будет являться деревом, вне зависимости от того каким словом и на каком языке оно будет называться. Это определение в принципе не может быть оспорено, так как на элементарном, лингвистическом, в философском смысле понимания, невозможно изменить его природные и физические свойства.

2-й тип – факты. Факт, являясь в большей степени описанием той или иной ситуации, явления или уже свершившегося действия, более подвержен сомнению. Например, очевидное утверждение, что спелый банан – желтый, является фактом. Однако, разложив данный факт на составляющие, попробуем составить утверждение, что: «Спелый банан больше желтый, чем длинный». С точки зрения лингвистики и филологии как наук о языке утверждение не вызывает нареканий. Порядок расстановки слов в предложении, грамматика, фонетика и орфография соблюдены. Но с точки зрения философского восприятия и стереотипов человеческого сознания, вначале вызывает лёгкий ступор. Разобравшись же, можно понять, что утверждение вполне жизнеспособно и действительно – банан длинный только в длину, а желтый – и в длину, и в ширину, и в высоту. Однако и здесь могущественное свойство философии ставить под сомнение любые факты и явления разрушит, казалось бы, истинное начальное утверждение как карточный домик. Просто разрезав банан и

оголив его бежевую мякоть, окажется что банан больше бежевый, чем жёлтый.

Также в пользу постановки под сомнение возможности существования Истины как таковой говорит и мнение Дж. Остина: «Когда утверждение истинно, тогда, несомненно, существует положение дел, делающее его истинным, и которое есть *totumundo*, отличный от истинного утверждения о нем, однако несомненно также и то, что мы можем лишь описывать это положение дел с помощью слов (либо тех же самых, либо, если удастся, других)» [2, с. 5].

3-й тип – искусственных условностей или правил. В данном типе Истина как понятие совершенно теряет свое изначальное свойство неоспоримого утверждения. Как в субъективности ментальных сфер отдельного человека, так и макро и микросоциальных коммуникаций стран, народов, народностей, социальных слоёв и так далее, так и даже на лингвистическом уровне языка общения – речи, диалогов, предложений.

«Предложения содержат слова или вербальные средства, служащие обеим целям: дескриптивной и демонстративной (мы здесь пренебрегаем иными целями), причем зачастую эти средства обслуживают обе цели одновременно. В философии мы принимаем дескриптивное за демонстративное (теория универсалий) или демонстративное за дескриптивное (теория монад). Обычное отличие предложения от простого слова или фразы характеризуется тем, что предложение содержит некоторый минимум вербальных демонстративных средств («указание на время» Аристотеля), однако многие демонстративные конвенции не являются вербальными (знаки препинания и т. д.), а значит, мы в состоянии сделать утверждение с помощью единственного слова, которое уже не является «предложением». Таким образом, в «языках» подобных тем, которые состоят из знаков («уличное движение» и т. д.) используются довольно различные средства для демонстративных и дескриптивных элементов (расположение знака на столбе, местоположение знака). Однако для многих вербальных демонстративных средств, применяемых в качестве вспомогательных, всегда должны существовать невербальные источники происхождения той координации, которая происходит в момент высказывания утверждения» [2, с. 13].

Так что же такое Истина, и существует ли возможность редуцирования субстанции человеческого сознания посредством акцидентных трансформаций в лингвистические формы основываясь на существовании определенных, непреложных истинных утверждений, определений и понятий? Опираясь на ход размышле-

ний Дж. Остина, ставящих под сомнение в принципе существование Истины, казалось бы – нет. Но проанализировав результаты нашего исследования вполне очевидно, что при определенных формах контроля, отбора и структуризации формирования пути от ментальных и неоднозначных субстанций человеческого сознания к лингвистическим, четким и прозрачным формам интермедийного языка такая возможность далеко не исключена. Именно способом исключения Истины как всеобъемлющей субстанции, порожденной человеческим сознанием, оставив лишь в качестве интермедийного языка общения и познания философскую лингвистику в чистом виде, мы и получим то искомое средство обмена информацией, состоящее лишь из действительных, истинных вещей. То есть ту методику общения, которая была рассмотрена в первом этапе исследования, но выстроенную в доступную, лаконичную и достаточно оперативную форму. Неизбежно, элементарность и определенная примитивность такой формы взаимного общения востребует расширений и последующих акцидентий в более сложные виды и переходы на уровни сознания и менталитета. Согласованные, распределенные и условно контролируемые инструментами социального согласования, эти расширения и дополнения могут наращиваться на этот «лингвистический скелет», решив множество социальных и коммуникативных вопросов, непонимания и коллизий, начиная с элементарного общения между людьми и заканчивая глобальными геополитическими, этническими, научными и экономическими взаимоотношениями.

Какие же выводы можно сделать из проведенного исследования? Какие практические его позиции могут быть использованы в повседневной жизни и деятельности человека?

Безусловно, исследованная в данном эксперименте проблема обоюдного редуцирования ментальных представлений человека встречается в различных сферах человеческой деятельности: разноуровневых (начальник – подчиненный, педагог – обучаемый), равноуровневых (товарищей, сотрудников, общение носителей различных языков) и смешанных типов взаимоотношений. Основываясь на данных результатах, необходимо и возможно, в целях решения проблем понимания и взаимодействия субъектов диалога и (или) общения и обмена информацией, выработать определенные методики построения этих взаимоотношений, которые поспособствуют построению более эффективных структур социального и коммуникативного характера.

Литература

1. Блинова А. Общение. Звуки. Смысл. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
2. Остин Дж. Л. Остин. Смысл и сенсibilität. Избранное. М., 1999.
3. Austin J. L. "How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955", ed. J. O. Urmson and M. Sbisà). Oxford: Clarendon Press. 1962.

Информация об авторе:

Соломин Олег Олегович – соискатель кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, sim00s@mail.ru.

Oleg O. Solomin – post-graduate student at the Department of Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 23.06.2014 г.